

Оригинальная статья / Original article

УДК 947

DOI: <http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2018-2-245-257>

ЯПОНСКИЕ ИНТЕРНИРОВАННЫЕ В МОНГОЛИИ 1945–1947 гг.

© С.И. Кузнецов

Славянско-Евразийский исследовательский Центр университета Хоккайдо,
Kita-9, Nishi-7, Kita-ku, Sapporo 060-0809, Japan.

Аннотация. В статье рассматриваются причины и последствия интернирования японцев в Монголию в 1945–1947 гг. Анализируются обстоятельства и механизм принятия решения по поводу направления более 12 тыс. военнослужащих Квантунской армии и гражданских лиц из районов Северного Китая в Монголию. Дается краткий обзор источников, отечественной и японской исследовательской и мемуарной литературы, показывается география размещения лагерей военнопленных в Монголии, использование их труда в народном хозяйстве страны. Освещаются проблемы материального и бытового положения военнопленных, обеспечения их жильем, питанием, медицинским обслуживанием. Приводятся данные по факторам, обусловившим высокий процент смертности интернированных в Монголии (общая неподготовленность к приему значительного контингента интернированных, плохое питание, необеспеченность теплым жильем и одеждой). Перечислены места захоронения на территории Монголии. Содержится материал о индоктринации интернированных. Рассматриваются обстоятельства и условия репатриации интернированных на родину. В работе содержится материал о сохранении исторической памяти о японских интернированных в Монголии, в частности, о Мемориальном комплексе памяти японских военнопленных в местности Дамбадаржаа на северной окраине Улан-Батора, который был построен на средства японского правительства и открыт в октябре 2001 г. на месте бывшего кладбища японских военнопленных.

Ключевые слова: Монголия, советско-японская война 1945 г., японские военнопленные и интернированные, лагеря военнопленных, трудовое использование, индоктринация, интернирование, репатриация, историческая память, захоронения, Мемориал Дамбадаржаа в Улан-Баторе, управление по делам военнопленных.

Информация о статье. Дата поступления 16 января 2018 г.; дата принятия к печати 20 февраля 2018 г.; дата онлайн-размещения 30 июня 2018 г.

Формат цитирования. Кузнецов С.И. Японские интернированные в Монголии 1945–1947 гг. // Известия Лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14. № 2. С. 245–257. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-2-245-257

JAPANESE MILITARY INTERNEES IN MONGOLIA IN 1945–1947

© S.I. Kuznetsov

Slavic-Eurasian Research Center Hokkaido University,
Kita-9, Nishi-7, Kita-ku, Sapporo 060-0809, Japan

Abstract. The article devoted the causes and consequences of internment of the Japanese in Mongolia in 1945-1947. There are analysis of the circumstances and mechanism for deciding on the direction of more than 12,000 Kwantung Army troops and civilians from the regions of North China to Mongolia. A brief review of the sources, domestic and Japanese research and memoir literature, shows the geography of the placement of prisoners of war camps in Mongolia, the use of their labor in the national economy of the country. The problems of the material and everyday situation of prisoners of war, their provision with housing, food, medical care are covered. Data are given on the factors that led to a high mortality rate of internees in Mongolia - a general lack of preparation for receiving a significant contingent of internees, malnutrition, insecurity with warm shelter and clothing. The places of burial in the territory of the Mongolian People's Republic are listed. Contains material on the indoctrination of internees. The circumstances and conditions for the repatriation of internees to their homeland are considered. Contains material on the preservation of the historical memory of the Japanese internees in Mongolia, in particular, the Memorial Complex of the memory of Japanese prisoners of war in Dambadarjah on the northern outskirts of Ulaanbaatar, which was

built with the money of the Japanese government and opened in October 2001 at the site of the former cemetery of Japanese prisoners of war.

Keywords: *Mongolia, the Soviet-Japanese War of 1945, Japanese prisoners of war and internees, prisoner of war camps, labor exploitation, indoctrination, internment, repatriation, historical memory, burial, Dambadarjaa Memorial in Ulan Bator, Prisoners of War Department*

Article info. Received January 16, 2018; accepted for publication February 20, 2018; available online June 30, 2018.

For citation. Kuznetsov S.I. Japanese military internees in Mongolia in 1945–1947. *Izvestija Laboratorii drevnih tehnologij = Journal of Ancient Technology Laboratory*. 2018. Vol. 14. No. 2. Pp. 245–257. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-2-245-257. (In Russian).

Международно-правовые проблемы интернирования японцев в Монголию

После окончания советско-японской войны 1945 г. Монголия, как и многие другие территории, стали местом интернирования японских военнослужащих и гражданских лиц из северной части Китая. Обстоятельства интернирования японцев в Монголию необходимо пояснить. Во-первых, Монголия была связана с СССР с 1936 г. Протоколом о взаимопомощи, согласно которому являлась фактически его сателлитом и позволяла пользоваться Советскому Союзу ее территорией как своей, например, для размещения войск. 2-я статья Протокола предусматривала взаимную помощь в случае нападения извне. Монголия объявила войну Японии, следуя духу этого протокола 10 августа 1945 г. Хотя протокол предусматривал вступление в войну, только в случае агрессии от кого-то третьего. Других причин объявления войны, которые соответствовали бы нормам международного права, не усматривается. Однако усматривается определенная выгода, которую рассчитывали получить монгольские руководители в результате объявления войны: премьер-министр Монголии Чойбалсан считал, что участие МНР в войне с Японией приведет к воссоединению с МНР Внутренней Монголии и Барги (Лузянин, 2003). Можно предположить, что интернирование японцев в МНР в качестве почти бесплатной рабочей силы было определенным, хотя и слабым «утешением» для монгольских властей. Само объявление войны Монголией можно рассматривать как своеобразный международный курьез, настолько несопоставимы силы сторон. Очевидно, что такое участие в войне могло быть только под надежным прикрытием «старшего брата». Не зря накануне войны Чойбалсан обратился к

Сталину с просьбой в полном объеме удовлетворить потребности монгольской армии в запчастях, горючем, вооружении, том числе новых боевых самолетов, полном обмундировании для 30 тыс. монгольских солдат (Батбаяр, 2002. С. 197).

Документы о советско-монгольской договоренности по поводу объявления войны Японии и направления в Монголию военнопленных до настоящего времени не опубликованы. Некоторые исследователи предполагают, что такая договоренность могла быть достигнута во время переговоров И. Сталина и премьер-министра Монголии Х. Чойбалсана 5 июля 1945 г. во время их встречи в Кремле (Рошин, 2005. С. 112). Встреча была довольно короткая – согласно записи в журнале посещений И. Сталина она продолжалась всего 35 мин., вопросы же были очень серьезные: в их числе были шедшие в то же время советско-китайские переговоры и статус МНР, вступление СССР и МНР в войну с Японией. Кроме этого, Чойбалсан встречался со Сталиным дважды в Москве – 22 января 1944 г. и 22 февраля 1946 г., а позже – несколько раз в Сочи. Записи их переговоров не публиковались.

Участие монгольской армии в советско-японской войне носило достаточно символический, вспомогательный и ограниченный характер в силу малочисленности, недостаточной боевой подготовке и отсутствия боевого опыта.

Еще два момента. К Женевскому протоколу о жертвах вооруженных конфликтов Монголия присоединилась в 1977 г., а дипломатические отношения с Японией установлены в 1972 г. Хотя, наверное, эти обстоятельства не могли играть какую-то роль в 1945 г. Монгольский историк Батбаяр цитирует письмо Х. Чойбалсана в Дальневосточную ко-

миссию о претензиях Монголии на возмещение ущерба, причиненного Японией в 1935–1945 гг.: «В результате японской агрессии против МНР монгольская армия потеряла 2039 чел. в этот период, а ущерб, нанесенный японской агрессией в это же время составил сумму 321 млн 983 тыс. тугриков» (Batbayar, 1999. P. 164–165). Правда к этому времени интернирование японцев уже состоялось и письмо пошло как бы «вдогонку» и в его оправдание.

По мнению монгольского историка Ч. Дашдаваа, который анализировал монгольские архивные источники, в конце августа 1945 г. монгольские власти уже были проинформированы о прибытии (интернировании) военнопленных японцев. Совет министров Монголии на заседании 31 августа 1945 г. принял решение о создании отдела по руководству лагерями японских военнопленных в Монголии.

Историография и источники

(монгольские, японские и российские)

Тема японского интернирования в Монголии до недавнего времени изучалась не очень активно, видимо в силу отсутствия или труднодоступности исторических источников. Было несколько публикаций в основном научно-популярного плана Ч. Лувсан-Очира (1998), Э. Лувсанбалдана (2001), Ч. Дашдаваа (2007). В России некоторые материалы нашел в Центральном военном архиве и опубликовал их историк из Иркутска С.В. Карасев (Карасев, 2002). Статью, в которой затронута тема военнопленных в 2013 г. опубликовал улан-удэнский историк Л.В. Курас (Курас, 2013). Он же в соавторстве с Б.Д. Цыбеновым опубликовал статью о численности и условиях проживания японцев в Монголии (Курас, Цыбенов, 2015. С. 245–252). В 2013 г. в Монголии вышла крупная монография Ч. Дашдаваа (Дашдаваа, 2013), которую, вероятно, можно считать сегодня наиболее значимым трудом по теме. Основана она на материалах как российских, так и монгольских архивов. Последние особенно важны для изучения условий жизни и работы японцев в Монголии. Наконец, в Японии в 2017 г. вышел сборник статей, посвященных этой теме (Нихондзин, 2017), где есть статьи известных ис-

следователей темы плена – Е.Л. Катасоновой, О.Д. Базарова, Томита Такэси и др.

Документы, касающиеся интернирования японцев в Монголию содержатся как в монгольских государственных, так и в российских архивах. В России вышло несколько сборников документов, непосредственно относящихся к теме военнопленных. Однако в них содержатся лишь немногочисленные, отдельные документы, которые касаются пребывания японцев в Монголии опосредованно (Военнопленные в СССР, 2000. Японские военнопленные, 2013).

В 1949 г. в Японии, в Нагано вышла первая книга воспоминаний японцев об интернировании в Монголии, которую написали сослуживцы по воинскому подразделению под командой Ёсимура – Ямаура Сёго, Ямаура Симидзу, Канбара Синдзюро и Исии Эйдзи. В ней впервые перечислены объекты, на которых работали японцы в Улан-Баторе (Уранбатору, 1949. С. 9). Среди мемуаров, написанных бывшими японскими военнопленными, можно назвать книгу Ямабэ Синго, в которой он описал свое пребывание в монгольском госпитале для военнопленных (Ямабэ, 1991). В 1988 г. в Токио в серии воспоминаний бывших военнопленных вышел специальный том мемуаров посвященных Забайкалью и Монголии (Хорё, 1988). Воспоминания о монгольских лагерях для этой книги написали Фудзита Такэси, Ёнэока Такаси, Ямамия Масанори, Кубата Сэцуси, Коно Кунсукэ, Кубата Рёсукэ, Вада Фукую, Мурамото Хироси. Интересные воспоминания, которые существенно расширяют наше представление о лагерной жизни японцев в Монголии написали Сакурада Торао (Сакурада, 1997), Кубата Сэцуси (Кубата, 1983), Нагасима Хидэо (Нагасима, 2002).

Контингент и места размещения

Относительно численности японцев, интернированных в 1945 г. в Монголию существует несколько мнений. Расхождение в цифрах связано, на наш взгляд, с тем, что запланированное количество интернированных не совпадало с тем, сколько было их направлено в Монголию в действительности. К тому же происходило постоянное движение военнопленных, их возвращали в СССР, репатри-

ровали на родину и т. д. Оказалось, например, что Монголия не имела возможности принять большого количества японцев из-за отсутствия жилья, материальных ресурсов, продуктов питания. К тому же для большого количества интернированных в Монголии просто не было достаточного фронта работ. Например, строительство железной дороги Улан-Батор – Наушки, где можно было массово использовать военнопленных задерживалось – у Монголии на это не было средств, а у Советского Союза в это время были более насущные проблемы восстановления страны в ее европейской части, освобожденной от оккупации.

В Центральном архиве Министерства Обороны Российской Федерации находится документ, согласно которому советские военные органы передавали монгольским представителям японских военнопленных и некоторое трофейное имущество. Речь о возможной передаче военнопленных японцев и трофейного имущества монгольской стороне впервые зашла 4 сентября 1945 г. К этому времени предполагалось, что в Монголию будет перемещено 10 тыс. военнопленных японцев. Еще одним документом, в котором говорится о передаче пленных МНР, является «Донесение о движении военнопленных на участке Забайкальского фронта» от 24 сентября 1945 г. В нем сказано, что эшелонами № 80866 и 80899 со станции Мукден (Шэньян) на пограничную станцию Наушки для МНР было отправлено 3 тыс. чел.

Из донесения заместителя начальника Главного управления по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ) НКВД СССР о численности взятых в плен японских военнослужащих от 7 декабря 1945 г. следует: «оставлено для работ в распоряжении военного командования за пределами СССР, в том числе и в Монголии – 58 500 чел.» (Японские военнопленные, 2013. С. 42). В литературе встречаются цифры 20 000. чел. и 18 010 чел. (Курас, Цыбенков, 2014. С. 260). Согласно документам РГВА, на 8 мая 1947 г. в Монголии находилось 12 318 японских военнопленных. В это число входило 608 офицеров, 2 263 сержанта, 8 079 рядовых и 1 368 гражданских лиц – железнодорожников. На эту дату умерло в монгольском плену 1 323 чел. и находилось на стационарном лечении 1 308 чел.

Какие-то выводы можно сделать и на основании донесения о репатриации японцев. В октябре – ноябре 1947 г. в транзитный лагерь в Находке из Монголии были доставлены 10 685 японских солдат и офицеров (Японские военнопленные, 2013. С. 442). По мнению монгольского историка Дашдаваа, Монголия так и не сумела подготовиться к принятию 20-тысячного контингента японцев, поэтому около 7 000 были перенаправлены в районы Сибири и Дальнего Востока СССР. Это предположение документами не подтверждено.

Доставка военнопленных к местам размещения Монголии производилась по железной дороге – через Харбин-Маньчжурию-Читу до ст. Наушки. Далее – на автомобилях или в пешем строю на Кяхту, где имелся пограничный переход в Монголию. Места лагерей для японцев были определены в основном в четырех аймаках – Селенгинском (Сэлэнгэ), Центральном (Тувэ), Архангайском (Архангай) и Улан-Баторе. Первая группа японцев из 4 965 чел. прибыла пешим ходом со ст. Наушки в г. Сухэ-Батор – в непосредственной близости от границы 20 ноября 1945 г. Следующие группы перевозились автотранспортом через Кяхту и Алтанбулаг – 23 ноября – 1 404 чел., 4 декабря – 1 479 чел., 5 декабря – 1 494 чел., 9 декабря – 1 497 чел., 10 декабря – 1 458 чел. Всего 12 288 чел. (Курас, 2014. С. 262).

Среди интернированных было около 1 188 гражданских лиц и даже 2 женщины. Среди них было множество больных, тем более, что переход был изнурительным, а температура в Северной Монголии в конце ноября – начале декабря обычно опускается ниже –20 °С. Большинство военнослужащих интернированных в Монголию прежде проходили службу в Северо-Восточном Китае в районе Харчина (долина реки Халуун-гол у подножья горного хребта Жанчхуу). Среди гражданских лиц были представители всевозможных профессий – рабочие, крестьяне, инженеры, врачи, железнодорожники, строители, электрики и т. д. Интернирование этой группы вообще нельзя объяснить никакими причинами.

Управление по делам военнопленных и интернированных было создано в Монголии 12 октября 1945 г. (по аналогии с подобным учреждением

ем в СССР). Ему подчинялись до 37 лагерных отделений военнопленных: в Улан-Баторе – «Центральный» – 839 чел., «5-я фабрика» – 1409 чел., «1-я колония» – 940 чел., Цаганхууран – «Белые казармы» – 648 чел.; в г. Сухэ-Баторе – 500 чел., Алтанбулаге – 300 чел. Лагеря располагались также в Амгалане, Хужирбулане, Цагаанхууране, Борнууре, Зуунбурэне, Зуунхараа, Налайхе, Жаргаланте, у озера Огий-нуур. В основном лагеря располагались по линии север-юг, от Алтанбулага вблизи советско-монгольской границы в направлении Улан-Батора.

Для интернированных было устроено три больницы.

Труд интернированных, устройство лагеря, особенности быта

Экономика послевоенной Монголии была в тяжелом положении. В значительно степени она зависела от поставок из СССР и советской помощи оборудованием, техникой и строительными материалами, которые в годы войны значительно сократились. Например, поставки нефтепродуктов сократились более чем в два раза. Продолжали работать мелкие промышленные предприятия, несколько угольных шахт. Велось небольшое строительство, в основном в столице. Крупные стройки, как например строительство железной дороги Наушки-Улан-Батор начались только в 1947 г., когда японцы в основном уже были репатрированы.

Японские интернированные работали в Монголии в различных артелях по производству одежды и обуви, работали плотниками, на кожевенных предприятиях, на добыче угля в шахтах Налайх, на производстве продуктов питания, строительстве (ремонт мостов, дорог). На предприятиях стройматериалов – кирпичный завод, добыча песка и камня. Некоторые работали водителями автотранспорта, механиками, грузчиками. Были бригады, работавшие в сельском хозяйстве. Около 80 чел. Японских военнопленных были командированы в специальный лагерь, располагавшийся в районе озера Огий-нуур. Заключение этого лагеря занимались рыболовством и их обязанностью было обеспечение рыбой всего контингента монгольских лагерей

для военнопленных. Более 252 чел. занимались земледелием и огородничеством в лагере Борнуур; 156 чел. Занимались земледелием в лагере Зуунбурэн – они выращивали пшеницу. Японцы принимали участие в строительстве около 30 зданий в Улан-Баторе. Среди них – дома правительства, театр, министерство иностранных дел, гостиница, кинотеатр, дом культуры и другие. Даже фундамент для памятника Сухэ-Батору в центре столицы соорудили при участии японцев. Таким образом, использование интернированных японцев в качестве подневольной рабочей силы в интересах экономики Монголии было важным пунктом программы отношения к военнопленным, которая исходила из СССР. С японцами не заключались трудовые соглашения, рабочее время не регулировалось. Реальная заработная плата была крайне низкой или не выплачивалась совсем. Не обеспечивались безопасные и гигиенические условия труда и жизни.

Жилищно-бытовые условия, в которых оказались интернированные в Монголии, с точки зрения нашего времени были удручающими. Элементарные удобства – водопровод, канализация, электрическое освещение не всегда были даже в городах. Отсутствовала или имелась в малом количестве теплая одежда и обувь, инструменты, продукт питания, медикаменты. Отсутствие достаточного количества теплой одежды для военнопленных была одной из больших проблем Управления по делам японских военнопленных. Из-за отсутствия теплой зимней одежды многие военнопленные были не в состоянии выходить на работу. Остро стояла эта проблема в лагере Зуунхараа – здесь на конец января 1946 г., не хватало одежды для военнопленных, некоторые из них не имели даже зимних шапок; в лагере в пос.Налайх, где японцы работали в угольных шахтах, у 14 чел. не было зимней обуви, у 10 чел. – зимних шапок, 46 чел. не имели рукавиц, 53 чел. ходили в изношенной до предела обуви. И только в октябре 1946 г. были предприняты меры и пошита зимняя одежда (ватные штаны, рубахи, изготовлены зимние шапки, валенки). В результате зима 1946/1947 гг. прошла относительно спокойно, по крайней мере, массовых обморожений заключенных уже не случилось. Острой была жилищная

проблема. Страна, где сельское население проживало, в основном в юртах, была просто не готова к приему тысяч интернированных. Многие помещения, используемые под лагерь не были утеплены и люди страдали от холода. Начальник лагеря в Хужирбулане С. Шарав вспоминал: «Невозможно было смотреть на мёрзнувших, больных японцев. Поэтому мы договорились с начальником японских солдат Аракава о выдаче военнопленным после работы двух горячих кирпичей, которые они подкладывали под кровать или клали в ноги. Таким образом, они сумели пережить зимние холода» (Курас, Цыбенков, 2015, С. 250). Бывший военнопленный Кубата Сэцуси, работавший на строительстве дороги в Хужирбулане, отмечал, что в январе 1946 г. больше всего они страдали от страшного холода, при этом дневная норма выработки на человека составляла 0,75 кубометра мерзлого грунта (Хорё, 1988. С. 438). В помещениях ряде лагерей, где возросла численность военнопленных, не хватало нар и тюфяков. В том же в лагере «Белые казармы» по состоянию на 25 марта 1947 г. вынуждены были спать на голых нарах 576 чел. Отсутствовали какие-либо элементарные постельные принадлежности в лагерях «Первая колония» и Жаргалант. В последнем 414 чел. содержались в неотапливаемом помещении.

Впрочем, некоторые лагеря военнопленных в МНР были подготовлены к зимним условиям, например, по итогам прокурорской проверки в начале 1946 г. нормально обустроенным лагерем, был признан лагерь кожевенного завода, находившийся в пос. Алтанбулаг. К сравнительно благополучным можно было отнести лагерь мясокомбината. В относительно нормальных условиях проживали военнопленные, работавшие на строительстве института, дворца культуры в г. Улан-Баторе.

В Монголии были официально приняты нормы пищевого рациона для военнопленных, которые включали мясо, овощи, рис, сахар и др. Однако реальное положение дел с питанием военнопленных этим нормам никак не соответствовало. Питание, как и многое другое, во многом зависело от места заключения военнопленного. В большинстве случаев пища была однообразной и состояла из риса или пшена на воде, черного хлеба низкого

качества. В некоторых лагерях в рацион питания военнопленных входило небольшое количество монгольского сыра, печенье в выходной день. Иногда военнопленным удавалось получить солёную рыбу и даже мясо – говядину или свинину. Для обеспечения военнопленных мясом Управление по делам японских военнопленных в феврале 1946 г. решилось на неординарные меры – организовало охоту на антилоп-дзеренов в Восточногобийском аймаке (Дорноговь). В феврале 1946 г. было заготовлено 1 944 дзерена, в марте – 6 000 дзеренов (Курас, 2015. С. 249). Охота на дзеренов продолжалась и в 1947 г.

Однако все этим усилия не могли изменить ситуацию - обеспеченность заключённых мясом была крайне низкой, по воспоминаниям многих военнопленных, им лишь 1–2 раза за все время удалось поесть мяса. Ситуацию усугублялась хищениями продуктов питания, которые совершала лагерная администрация. Имела место и обычная халатность, которая вела к неумышленной порче продуктов питания. В дневнике бывшего военнопленного Ямамия Масанори рассказывается о контактах с местным населением. Общение с военнопленными было строго запрещено, однако, как пишет Ямамия, однажды мы грузили гравий неподалеку от нескольких юрт и монголы неуверенно и робко пригласили нас зайти к ним. «Мы знали лишь несколько монгольских слов и общались исключительно при помощи жестов и улыбок. Монгол спросил нас все ли японцы такие худые как мы. Мы, как могли, ответили, что уже давно не ели досыта и не помним, когда последний раз видели мясо. Мне показалось, что на нас смотрят с жалостью. Хозяин юрты раскрыл большой конопляный мешок в котором был сухой творог – обычная походная пища кочевников и щедро наделил нас. Это было необычайно вкусно. Эти люди были сдержаны, но сердечны» (Хорё, 1988. С. 419).

Смертность и захоронения

Низкокалорийное питание, отсутствие зимней одежды, проживание в плохо отапливаемых лагерных помещениях приводили к массовым простудным заболеваниям военнопленных, пневмонии. Ослабленный организм легко был подвержен

таким заболеваниями как тиф, туберкулез, дизентерия. Всего в МНР умерло 1 615 чел. из 12 318 военнопленных, что составляло 13,1 % контингента. Наиболее тяжелым периодом для японских военнопленных в Монголии были зимние месяцы 1945/1946 гг. В начале января 1946 г. умерло уже 202 чел., а к началу марта 1946 г. количество умерших достигло 553. 34,2 % всех умерших в монгольских лагерях пришлось именно на этот период. Это время адаптации к новым, тяжелейшим климатическим условиям, период морально-психологических переживаний. В таких условиях ослабленный организм легко поддавался заболеваниям. Нехватка продуктов питания вызывала дистрофию. Наиболее распространенными причинами смерти японских военнопленных в Монголии были такие заболевания, как туберкулез легких (36,4 %), пневмония (7,4 %), дизентерия (8,3 %), дистрофия (7,1 %), болезни сердца, тиф, гепатит (2,7–3,8 %), менингит, брюшной тиф (0,8–1,6 %), аварии и травмы на производстве (3,2 %). По монгольским данным, которые были переданы японской стороне в июне 1995 г., и тогда же опубликованы в газете «Асахи», умершими значилось 1 612 чел. В том числе от туберкулеза – 583, от дизентерии – 139, от пневмонии – 121, дистрофии – 111, возвратная лихорадка – 80, тиф – 73, другие болезни – 393. Обморожения стали причиной 41 смерти, переломы – 34, другие причины – 23, самоубийства – 14. (Нагасэ, 2013. С. 532). Для лечения интернирования был развернут специальный госпиталь в г. Сухэ-Баторе, который испытывал все те же трудности – недостаток материальных средств, медикаментов, квалифицированных врачей.

Всего мест захоронения интернированных японцев в Монголии было около 16, расположенных, в основном, вблизи лагерей, т. е. на севере страны (табл. 1).

Индоктринация

Информации об этой деятельности монгольских властей очень мало. Ч. Дашдаваа вообще считает, что никакой целенаправленно идеологической и коммунистической обработки интернированных в Монголии не проводилось. Думается, что причина этого не в каком-

то сознательном нежелании монгольских властей заниматься этим. Скорее всего, они просто не имели для этого возможностей. В СССР, например, существовал специальный могучий политический аппарат для этого, отпускались большие финансовые средства, издавалась газета и т. д. Это была настоящая государственная программа. Впрочем, для японцев в Монголии поступала из Советского Союза газета «Нихон симбун», выпускаемая в Хабаровске советскими политорганами специально для военнопленных. В воспоминаниях бывшего военнопленного Ямабэ Синго, работавшего на шерстяной фабрике в Улан-Баторе, отмечается, что поступала она редко – раз в несколько месяцев. «Это была табloidная версия четырехстраничной газеты, которую редактировали в Сибири японцы-активисты под руководством КПСС. Эта газета не могла оказать большого влияния на мысли японцев, которые были интернированы в Монголию. Кроме того, мы были слишком истощены и голодны. «Нихон симбун» годилась для курения, мы заворачивали в нее табак, но была малопригодна для использования вместо туалетной бумаги из-за низкого качества маньчжурской бумаги» (Ямабэ, 1991. С. 226).

Репатриация

Особенностью репатриации японцев из Монголии является то, что интернированные были переданы не японской стороне, а Советскому Союзу. Имеются предположения, что советское руководство предлагало репатриировать японцев из Монголии уже в конце 1946 г., видимо по причине неблагоприятного состояния здешних лагерей и высокой смертности. Подтверждением этому может служить телеграмма 22 марта 1947 г. секретаря ЦК Монгольской народно-революционной партии Ю. Цеденбала в Москву, в которой он просит отложить репатриацию - военнопленные заняты на важных строительных работах в Улан-Баторе (Олны үг ортой эсэхийг шалгалаа). Возможно, по этой причине репатриация японцев, интернированных в Монголию была начата

Таблица 1

Кладбища японцев в Монголии*

Table 1

Japanese Cemeteries in Mongolia*

Аймак Aimак	Населенный пункт Settlement	Количество захороненных Number of buried soldiers
г. Улан-Батор Ulaanbaatar	Дамбадаржаа Dambadarjaa	835
	Хужирбулан Khuzhirbulan	252
	Налайх Nalaih	12
	Сохой Цаганбулаг Sokhoi Tsaganbulag	10
Селенгинский (Сэлэнгэ) Selenginsky (Selenge)	Сүхэ-Батор Sukhbaatar	198
	Зуунбурэн Zunburwen	19
	Барунхара Barunhara	43
	Ерее Eree	96
	Алтанбулаг Altanbulag	8
	Зуунхара Zunhara	44
Центральный (Тувэ) Central (Tuve)	Угтаалжарргалант Ugtaalzhargalant	35
	Борнуур Bornuur	4
	Архуст Arhust	33
	Батсумбэр Batsumber	2
Архангайский (Архангай) Arkhangaisky (Arkhangai)	Угийннуур Uginuur	5
Хэнтийский (Хэнтий) Hentiisky (Hentii)	Балж Balzh	1
Всего Total		1 597

* Составлено по: Мягмарсамбуу, 2017 С. 113.

* **Compiled by: Myagmarsambuу, 2017. P. 113.**

позже – в соответствии с Постановлением Совета Министров СССР № 3014 от 28 августа 1947 г. По нему предполагалась отправка из Монголии 11 тыс. японцев (Военнопленные в СССР, 2000. С. 894). Разумеется, интернированных отправляли в Советский Союз, в специальный лагерь № 380 в Находке, откуда они по морю уже возвращались домой. В госархиве

Российской Федерации имеется Донесение о количестве эшелонов военнопленных и интернированных японцев, поступивших в 380-й транзитный лагерь в Находке из Монголии, датированное 9 февраля 1948 г. (табл. 2). Согласно этому документу первый эшелон прибыл в Находку 27 октября 1947 г. шестой – 8 ноября 1947 г. Всего было доставлено

Таблица 2

Прибытие эшелонов репатриантов на ст. Находка (октябрь – ноябрь 1947 г.)

Table 2

Arrival of repatriates' trains at the station Nakhodka (October – November 1947)

Номер эшелона Number of echelon	Начальник эшелона Head of echelon	Дата поступления Receipt date	Японцы / Japanese				
			Общее количество Total	Офицеры Officers	Унтер-офицеры Unter-officers	Солдаты Soldiers	Гражданские Civil
50596	Подполковник Нелнеров Lieutenant Colonel Nelnerov	27 октября 1947 г. October 27, 1947	1 008	57	179	654	118
50597/98	Подполковник Савченко Lieutenant Colonel Savchenko	1 ноября 1947 г. November 1, 1947	2 005	87	328	1 211	379
50599/600	Капитан Гусakov Captain Guskov	3 ноября 1947 г. November 3, 1947	1 996	99	592	995	310
50601/602	Капитан Тимофеев Captain Timofeev	4 ноября 1947 г. November 4, 1947	2 000	122	443	1 200	235
50603/604	Подполковник Салауров Lieutenant Colonel Salaurov	6 ноября 1947 г. November 6, 1947	2 150	147	499	1 310	194
50605/606	Майор Яшин Major Yashin	8 ноября 1947 г. November 8, 1947	1 526	96	338	921	171
Всего Total			10 682	608	2 379	6 291	1 407

10 682 чел. (Японские военнопленные, 2013. С. 442).

Согласно монгольским данным, для отправки интернированных на родину с 10 по 26 октября 1947 г. было сформировано 11 команд, которые и направились в Советский Союз. Указывается, что по дороге скончалось 6 чел. и один был оставлен для лечения. Количество репатриантов, переданных советским властям – 10 705 чел. (Мягмарсамбуу, 2017. С. 112). Разница с количеством прибывших в Находку составила 23 чел., которая пока не имеет объяснения.

Историческая наследие и память о японцах.

Программа эксгумации

В январе 1954 г. премьер-министр МНР Ю. Цеденбал получил письмо от японского Красного Креста с вопросом о судьбе 100 японских военнопленных, сведений о которых не имелось. Тогда же Ю. Цеденбал сделал запрос в Министерство внутренних дел относительно числа прибывших и репатриированных японцев. Официальный ответ гласил: Между 20 ноября и 10 декабря 1945 г. в МНР из Советского Союза прибыли 12 318 японцев, которые были размещены в шести лагерях и работали главным образом на строительстве в г. Улан-Баторе. За два года 1 613 из них умерло, 10 705 были переданы советским властям в октябре 1947 г. (Batbayar, 1999. P. 165). Примерно в это же время пришло письмо от японской женщины, которая разыскивала своего мужа Кояма Ёсито, который, как она полагала, все еще находится в Монголии. На что письмо ответил монгольский МИД, указав на то, что Кояма был обвинен в шпионаже в августе 1945 г. 17 января 1955 г. был еще один ответ, на этот раз от монгольского Красного Креста о том, что четверо японцев, находившихся в монгольских тюрьмах и осужденных за шпионаж были переданы китайским властям (Batbayar, 1999. P. 166).

Японские делегации, которые пытались получить информацию по захоронениям в Монголии, посещали страну в 1956 и 1966 гг.

Однако только в 1972 г. были установлены дипломатические отношения. Впервые могилы своих родственников семьи погибших японцев смогли посетить только в 1972 г., в год установления дипломатических отношений между двумя странами. Мемориальный комплекс памяти японских военнопленных в местности Дамбадаржаа на северной окраине Улан-Батора был построен на средства японского правительства и открыт в октябре 2001 г. на месте бывшего кладбища японских военнопленных. В 1995–1999 гг. в соответствии с договоренностью между правительствами Японии и Монголии останки военнопленных, похороненных на монгольской территории, после эксгумации тел, были кремированы и прах их отправлен на Родину. Одновременно было принято решение о строительстве мемориала памяти японских военнопленных. В 1999 г. был сооружен памятник, позже построен мемориал, который посещается японскими делегациями и туристами. Более 16 лет рядом с мемориалом живет, поддерживает здесь порядок специальный монгольский служащий.

21 июня 2002 г. Находящийся в Монголии по приглашению президента страны Нацагийн Багабанди с официальным визитом японский принц Акисино с супругой – принцессой Кико посетили мемориальный комплекс памяти японских военнопленных, расположенный в окрестностях монгольской столицы. Члены императорской семьи Японии отдали дань уважения погибшим японским солдатам и возложили венок к мемориалу. В 2004 г. были проведены совместные мероприятия японского и монгольского обществ Красного Креста. Рядом с кладбищем открыт небольшой музей. Информация имеется в интернете, к сожалению только на монгольском языке (Японы олзлогдогсод Монголд).

Документы и материалы, которыми располагают историки в настоящее время, позволяют сделать некоторые выводы относительно интернирования японцев в Монголию. Направление в Монголию более 12 тыс. бывших солдат и офицеров японской армии вряд ли

соответствовало нормам международного права, а также военно-политической необходимости. Это тем более распространяется на гражданских лиц.

Очевидно, что решение о направлении японцев в Монголию, а также об их количестве не было принято заранее, а лишь в конце августа 1945 г. Об этом свидетельствует тот факт, что решение о создании специального ведомства в Монголии, отвечающего за интернированных было принято лишь 31 августа. Отсюда – общая неподготовленность к приему интернированных, их размещения, обеспечения жильем, продовольствием, медицинским обслуживанием, инструментами, рабочей и теплой одеждой. Отсутствовали и обоснованные планы трудового использования интернированных. Об этом свидетельствует отказ Монголии от избыточного, первоначально предполагаемого количества интернированных. Результатом этого стал высокий уровень смертности

интернированных, недопустимый в мирное время.

В своей деятельности монгольские органы по контролю за интернированными опирались, разумеется, на советский опыт и советские инструкции. Хотя была и своя, «монгольская» специфика. Например, направление командировок интернированных на самообеспечение продуктами питания – охота и рыболовство. Политика индоктринации не проводилась против интернированных в Монголии столь же интенсивно, как в Советском Союзе. Однако причина не в каком-то сознательном отказе от нее монгольских властей, а скорее в отсутствии возможностей, необходимых сил и средств.

Отвечая на запросы японской стороны о судьбе интернированных, монгольские власти, скорее всего, ориентировались на позицию СССР, хотя и занимали более мягкую позицию.

Библиографический список

Батбаяр Ц. Монголия и Япония в первой половине XX века. Улан-Удэ: Изд-во ВСГАКИ, 2002. 229 с.

Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы / под ред. М.М. Загорюлько. М.: Логос. 2000. 1118 с.

Карасев С.В. К вопросу о японских военнопленных в Монголии (1945–1947 гг.) // Россия и Восток: взгляд из Сибири в начале тысячелетия: материалы и тезисы докладов к Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора С.В. Шостаковича. Иркутск: Оттиск, 2002. С. 36–38.

Курас Л.В., Цыбенков Б.Д. Японские военнопленные в Монголии // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2014. № 1(13). С. 260.

References

Batbayar Ts. *Mongoliya i Yaponiya v pervoi polovine XX veka* [Mongolia and Japan in the first half of the twentieth century]. Ulan-Ude: Publishing house of the East-Siberian State Academy of Culture and Arts Publ., 2002, 229 p. (In Russian).

Zagorul'ko M.M. *Voennoplennye v SSSR 1939–1956. Dokumenty i materialy* [Prisoners of war in the USSR. 1939–1956. Documents and materials]. Moscow: Logos Publ., 2000, 1118 p. (In Russian).

Karasev S.V. *K voprosu o yaponskikh voennoplennykh v Mongolii (1945–1947 gg.)* [On the issue of Japanese prisoners of war in Mongolia (1945–1947)]. *Materialy i tezisy dokladov k Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 100-letiyu so dnya rozhdeniya professora S.V. Shostakovicha "Rossiya i Vostok: vzglyad iz Sibiri v nachale tysyacheletiya"* [Russia and the East: a view from Siberia at the beginning of the millennium: materials and abstracts for the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of Professor S.V. Shostakovich]. Irkutsk: Ottisk Publ., 2002, pp. 36–38. (In Russian).

Kuras L.V., Tsybenov B.D. Japanese prisoners of war in Mongolia. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk* [Bulletin of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences], 2014, no. 1(13), pp. 260. (In Russian).

Курас Л.В. Вторая мировая война и Монголия: современная российско-монгольская историография // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Филология, история, востоковедение. 2013. № 2 (49). С. 124–131.

Курас Л.В., Цыбенков Б.Д. Динамика численности и условия проживания японских военнопленных на территории Монголии (1945–1947) // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2015: сб. ст. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2015. С. 245–252.

Лузянин С.Г. Россия – Монголия – Китай в первой половине XX в. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. М.: Огни, 2003. 320 с.

Рощин С.К., Маршал Х. Чойбалсан: штрихи биографии. М.: Институт востоковедения Российской академии наук, 2005. 158 с.

Японские военнопленные в СССР, 1945–1956: сб. док. / сост. В.А. Гаврилов, Е.Л. Катасонова. М.: Международный фонд «Демократия», 2013. 779 с.

Batbayar Ts. Mongolia and Japan in 1945–1995. A Half Century Reconsidered // Mongolia in the Twentieth Century. Landlocked Cosmopolitan / ed. by S. Kotkin. New York: M.E. Sharpe, 1999. 313 p.

Дашдаваа Ч. Японы олзлогдогсод Монголд. Улаанбаатар: Бэмби-Сан хэвлэлийн газар, 2013. 310 с.

Олны үг ортой эсэхийг шалгалаа [Электронный ресурс]. URL: <http://www.medee.mn/mobile.php?eid=70573> (02.02.2017).

Японы олзлогдогсод Монголд [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mnb.mn/i/105214> (02.02.2017).

(Кубата Сэцудзи)

久保田設司□モンゴル虜囚熱河省承德から外蒙古ウランバートルへ久保田設司著東京善本社 1983. 300 с. (In Japanese).

(Мягмарсамбуу Галиндэв)

モンゴル・日本両国の関係とモンゴルに残された日本軍将兵の遺骨についてガリンデヴ・ミヤグマルサムポ/日本人のモンゴル抑留とその背景東京: 三元社 2017. 174 с. (In Japanese).

Kuras L.V. Vtoraya mirovaya vojna i Mongoliya: sovremennaya rossijsko-mongol'skaya istoriografiya [World War II and Mongolia: Contemporary Russian-Mongolian Historiography]. *Uchenye zapiski Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya, istoriya, vostokovedenie* [Scientific notes of Transbaikalian State University. Series: Philology, History, Oriental Studies], 2013, no. 2 (49), pp. 124–131. (In Russian).

Kuras L.V., Tsybenov B.D. Dinamika chislenosti i usloviya prozhivaniya yaponskih voennoplennykh na territorii Mongolii (1945–1947) [Dynamics of number and conditions of residence of Japanese prisoners of war on the territory of Mongolia (1945–1947)] *Irkutskii istoriko-ekonomicheskii ezhegodnik: 2015* [Irkutsk Historical and Economic Yearbook: 2015]. Irkutsk: Publishing house of the Baikal State University of Economics and Law, 2015, pp. 245–252. (In Russian).

Luzyanin S.G. Rossiya – Mongoliya – Kitai v pervoi polovine XX v. *Politicheskie vzaimootnosheniya v 1911–1946 gg.* [Russia – Mongolia – China in the first half of the twentieth century. Political Relations in 1911–1946]. Moscow: Ogn Publ., 2003, 320 p. (In Russian).

Roshchin S.K., Marshal Kh. *Choibalsan: shtrikhi biografi* [Marshal H. Choibalsan: The Strokes of Biography]. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences Publ., 2005, 158 p. (In Russian).

Gavrilov V.A., Katasonova E.L. *Yaponskie voennoplennye v SSSR, 1945–1956* [Japanese prisoners of war in the USSR, 1945–1956]. Moscow: Mezhdunarodnyi fond “Demokratiya” Publ., 2013, 779 p. (In Russian).

Batbayar Ts. Mongolia and Japan in 1945–1995. A Half Century Reconsidered // Mongolia in the Twentieth Century. Landlocked Cosmopolitan / ed. by S. Kotkin. New York: M.E. Sharpe, 1999, 313 p.

Дашдаваа Ч. Японы олзлогдогсод Монголд. Улаанбаатар: Бэмби-Сан хэвлэлийн газар, 2013, 310 с. (In Mongolian).

Олны үг ортой эсэхийг шалгалаа. Available at: <http://www.medee.mn/mobile.php?eid=70573> (accessed February 2, 2017).

Японы олзлогдогсод Монголд. Available at: <http://www.mnb.mn/i/105214> (accessed February 2, 2017).

(Kubata Secudzi)

久保田設司□モンゴル虜囚熱河省承德から外蒙古ウランバートルへ久保田設司著東京善本社 1983, 300 p. (In Japanese).

(Myagmarsambu Galindev)

モンゴル・日本両国の関係とモンゴルに残された日本軍将兵の遺骨についてガリンデヴ・ミヤグマルサムポ/日本人のモンゴル抑留とその背景東京: 三元社 2017, 174 p. (In Japanese).

(Нагасима Хидэо)

長島秀夫 □ モンゴル俘虜生活八〇〇余日長島秀夫著札幌
長島, 2002. 112 c. (In Japanese).

(Нихондзин-но монгору ёкүрю то соно хайкэй)

日本人のモンゴル抑留とその背景/東京: 三元社 2017.
174 c. (In Japanese).

(Сакурада Торао)

田虎男モンゴル抑留記桜田虎男著国立生涯学習研究社
1997. 268 c. (In Japanese).

(Ямабэ Синго) Уранбаторл捕虜収容病院 /

山邊慎吾著 /東京: 草思社 1991. 370 c. (In Japanese).

(Уранбатору Ёсимүра-тай: Сото кура-но юсю)

Уранбаторл吉村隊: 外蒙の幽囚 / 山浦重三,
蒲原正二郎, 石井栄次著/長野: 明日香書房 1949. 194 c.
(In Japanese).

(Хорё тайкэн ки) 捕虜体験記 /

ソ連における日本人捕虜の生活体験を記録する会編/東
京:

ソ連における日本人の捕虜の生活体験を記録する会/
1988. 500 c. (In Japanese).

(Нагасэ Рёдзи) 長勢了治著 /

シベリア抑留全史東京: 原書房 2013. 618 c. (In Japa-
nese).

Сведения об авторе

Кузнецов Сергей Ильич,
доктор исторических наук, профессор,
Славянско-Евразийский исследовательский Центр уни-
верситета Хоккайдо (Япония),
Kita-9, Nishi-7, Kita-ku, Sapporo 060-0809,
e-mail: s.kuznetsov@mail.ru

Критерии авторства

Кузнецов С.И. выполнил исследовательскую рабо-
ту по сбору материалов в опубликованных российских и
японских источниках, на основе полученных результатов
провел обобщения, подготовил рукопись к печати, име-
ет на статью авторские права и несет полную ответст-
венность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интере-
сов.

(Nagasima Hideo)

長島秀夫 □ モンゴル俘虜生活八〇〇余日長島秀夫著札幌
長島, 2002, 112 p. (In Japanese).

(Nihondzin-no mongoru yokuryu to sono hajkej)

日本人のモンゴル抑留とその背景/東京: 三元社 2017,
174 p. (In Japanese).

(Sakurada Torao)

田虎男モンゴル抑留記桜田虎男著国立生涯学習研究社
1997, 268 p. (In Japanese).

(Yamabe Singo) Уранбаторл捕虜収容病院 /

山邊慎吾著 /東京: 草思社 1991, 370 p. (In Japanese).

(Uranbatoru Yosimura-taj: Soto kura-no yusyu)

Уранбаторл吉村隊: 外蒙の幽囚 / 山浦重三,
蒲原正二郎, 石井栄次著/長野: 明日香書房 1949, 194 p.
(In Japanese).

(Horyo tajken ki) 捕虜体験記 /

ソ連における日本人捕虜の生活体験を記録する会編/東
京:

ソ連における日本人の捕虜の生活体験を記録する会/
1988, 500 p. (In Japanese).

(Nagase Ryodzi) 長勢了治著 /

シベリア抑留全史東京: 原書房 2013, 618 p. (In Japa-
nese).

Information about the author

Sergey I. Kuznetsov,
Doctor of Sciences (History), Special Appointed professor,
Slavic-Eurasian Research Center Hokkaido University,
Japan, Kita-9, Nishi-7, Kita-ku, Sapporo 060-0809,
e-mail: s.kuznetsov@mail.ru

Attribution criteria

Kuznetsov S.I. carried out research work on the collec-
tion of materials published in Russian and Japanese
sources, based on the obtained results, carried out gener-
alizations, prepared the manuscript for publication, has
copyright for the article and bears full responsibility for its
originality.

Conflict of interest

The author states that there is no conflict of interest.